

ЭТНОЛОГИЯ

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ: ЧУВАШИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ XX ВЕКА В УРМАННОЙ ТАЙГЕ

Предлагается выделить как направление этноэкологических исследований «экстремальную адаптацию» — вынужденное быстрое приспособление к резко изменившимся условиям среды, происходящее в условиях высокого стресса. В качестве примера представлена история чувашских крестьян-земледельцев, бежавших под угрозой репрессий 1930-х гг. в глухие таежные места. Переселенцы создали собственный вариант системы жизнеобеспечения, где приоритет был за крестьянским хозяйством, а добывающие промыслы его дополняли.

Ключевые слова: этнография Сибири, этническая экология, Прииртышье, политические репрессии, вынужденная миграция, беженцы, народы Севера.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-137-148

Введение

Тема адаптации в последние десятилетия стала удобной и очень вместительной исследовательской рамкой отечественной этнографии. Даже если оставить в стороне довольно пространное толкование термина «адаптация» (см.: [Крупник, 1989, с. 16]), то можно заметить, что лишь на материалах сибирского региона в 2000–2010-е гг. по этой теме было представлено в виде монографий или диссертационных работ несколько десятков крупных исследований [Коровушкин, 2004; Лоткин, 2012; Майничева, 2005; Повод, 2004; Шелегина, 2005; и т.д.].

Отчасти столь широкое применение термина в нашей стране обязано формулировке концепции культуры, предложенной известным ученым Э.С. Маркаряном, — как механизма и результата внебиологической групповой адаптации к условиям окружающей среды. Продолжением этого стал тезис, что ведущей функцией культуры является адаптивная [1983, с. 17, 35]. С одной стороны, обозначенный подход позволил по-новому анализировать поле культурного пространства, с другой — невольно способствовал девальвации термина «адаптация». Последнее произошло, так как популяризация термина была сопряжена с разнообразием оттенков вкладываемого в него смыслового содержания. Кроме многочисленных градаций (культурная, социальная, психологическая, экологическая, этнокультурная и пр.), давним различием является понимание адаптации как процесса приспособления или его результата (т.е., по сути, любого явления культуры).

В данной работе предлагается обратиться к той области этнологии, где указанное понятие было едва ли не изначально одним из основных рабочих, — к этнической экологии (см.: [Ямсков, 2005; Head, 2009]). Причем здесь исследовательский ракурс нацелен на раскрытие, если угодно, наиболее существенных характеристик этнокультурной адаптации. В этом смысле адаптация, во-первых, понимается как **процесс приспособления** к меняющимся (изменившимся) условиям внешней среды, а во-вторых, как процесс экстремальный, так как он, с одной стороны, радикален, а с другой — ограничен во времени и в доступных сценариях. Подобный высокий градус взаимодействия со средой возникает в особых случаях: при миграции коллектива на незнакомую территорию или в результате масштабных природных/социальных катаклизмов. Подвергшаяся таким серьезным испытаниям общность оказывается в условиях высокого стресса, а порой и под угрозой самого выживания. Как результат, перед исследователем открывается редкая перспектива зафиксировать возможности адаптации, близкие к предельным. Историко-этнографические работы сходной тематики [Щеглова, 2015; Leduc, 2006; Ståhlberg, Svanberg, 2010; и др.] довольно разрозненны и не составляют какого-то оформленного исследовательско-

го направления. Думается, что в качестве объединяющего начала здесь можно предложить термин «экстремальная адаптация», содержание которого было раскрыто чуть выше.

В центре внимания настоящей статьи находится небольшая группа типичных крестьян-земледельцев из средней полосы России, вынужденных в короткие сроки кардинальным образом перестроить свой образ жизни в совершенно незнакомой и чуждой для них среде урманной тайги. Ключевыми вопросами исследования являются экоадаптационные возможности и специфика внешнего социального взаимодействия малых этнических коллективов в условиях значительной изоляции и экстремального природного окружения. Кроме того, актуальна и сама история жизни чувашских переселенцев в Сибири, включающая драматические сюжеты переезда в далекие незнакомые места, социально-политических репрессий 1930-х гг., тягот военного времени, бурного нефтегазового освоения региона и других событий. Источниковую базу исследования составили прежде всего полевые этнографические материалы, собранные в 2005–2013 гг. в Уватском районе Тюменской области, Усть-Ишимском и Тевризском районах Омской области¹, в г. Тюмени. Основные информаторы — представители второго и третьего поколения переселенцев. Сбор и анализ сведений во многом базировались на сочетании методов этнографии и устной истории.

Ареал, о котором пойдет речь, в нынешних административно-территориальных границах включает северную окраину Усть-Ишимского района Омской области и восточную часть Уватского района Тюменской области. В системе речных бассейнов — это соответственно Среднее Прииртышье и расположенные севернее, за обширным поясом водораздельных болот, верховья р. Демьянки. Семьи чувашей, которые впоследствии стали жителями бассейна Демьянки, появились в Среднем Прииртышье в 1900-е (Григорьевы) и в начале 1920-х (Лотовы, Михайловы), т.е. накануне самой массовой миграционной волны представителей этого народа в Сибирь (см.: [Коровушкин, 2006, с. 36]). На новом месте они по разным причинам еще дважды меняли место жительства, каждый раз оказываясь во все более сложных и непривычных для себя условиях природной среды. Соответственно в процессе адаптации рассматриваемых коллективов можно выделить три самостоятельных этапа.

Первичная адаптация: переезд в Сибирь

Переселенцы, а именно семьи Григорьева Андрея Егоровича (1881 г.р.), Лотова Федора Ефремовича (1891 г.р.) и Михайлова Дмитрия Михайловича (1873 г.р.), происходили с одной территории, локализованной в северо-западной части современной Чувашской Республики (по воспоминаниям, неподалеку от мест исхода находились Чебоксары и Козьмодемьянск): *«Из России, с Волги приехали»* [ПМА]. Михайловы и Лотовы имели родственные связи, Григорьевы же были их хорошими знакомыми. Представители указанных семей были типичными крестьянами Европейской России, практически не имевшими опыта в добывающих промыслах.

Их переезд в Сибирь был связан с недостатком земельных участков и строевого леса на родине. Выезжали в общей группе с другими чувашами, включая родственников (братьев, сестер и пр.). В семье Михайловых с регистрацией на новом месте связана памятная история. Один из младших сыновей Дмитрия Михайловича был по случаю ошибочно записан под фамилией Комплетов, которая осталась с ним на всю жизнь: *«Отец вышел на улицу, а писарь у Бориса спрашивает: “Как фамилия?”. Другие чуваша-то стали переговариваться по-своему: “Кам палет?”, мол, “Кто знает?”. Так его и записали»* [ПМА]. Первоначальным местом жительства всех семей стало с. Листвяги Рыбинского района Омской губернии, основанное в 1906 г. как переселенческое поселение на р. Бол. Тава [Список населенных мест..., 1928, с. 66]. Здесь чувашаи успели хорошо обжиться: построить избы, развести скот, получить и разработать достаточные для своих нужд земельные участки. К началу 1930-х гг. все семейства были по меркам своего времени средними по численности: у Григорьевых — муж с женой, два сына и три дочери, у Лотовых — муж с женой, два сына, две дочери и сестра главы семьи, у Михайловых — муж с женой, два сына, две дочери и мать жены [ФБУ ИсА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 14, л. 4об.–5; Д. 16а, л. 11об.–12; ПМА].

Очевидно, что первичная адаптация наших чувашских переселенцев к Сибири в 1910–1920-е гг. прошла успешно: в социальной градации органов советской власти они были отнесены к категориям кулачества и середняков. Лотовы и Михайловы попали под кампанию раскула-

¹ Автор выражает благодарность коллегам, Н.А. Лискевич и Р.Х. Рахимову, принимавшим участие в данных полевых исследованиях.

Опыт описания экстремальной адаптации: чуваша-переселенцы XX века в урманной тайге

чивания и высылки крепких крестьянских хозяйств, которая прошла в этой части Омского округа Западно-Сибирского края в 1930–1931 гг. [Крестьянская голгофа, 2014, с. 70, 110, 191, 213 и др.]. Как рассказывают члены семьи Михайловых, наказание в последний момент для них смягчили: «*Как вам сказать, выслали... Утром выслали, до обеда прошли мы уже (пешком ведь выслали), и потом закон вышел, что не высылать. А когда вернули, мы сами поехали... У нас нечем было [хозяйство вести] — всё раскулачили, всё отобрали. А раскулачили, богатства-то не было. Отец у нас ни работников не держал, ни чё. Просто сами своё жили. У него было 5 лошадей да 3 коровы. Ну, хлеб мы много сеяли» [ПМА]. Повод для ссылки Григорьевых оказался особым: они числились середняками [ФБУ ИСА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 16а, л. 11 об.], но главе семейства припомнили его былую белогвардейскую службу. В итоге все три семьи отправилась по месту налаженной высылки — 60 км по прямой на север, в таежную деревню Рамазановка, расположенную на правом берегу Иртыша и тоже являвшуюся старым переселенческим пунктом [Список переселенческих участков..., 1913, с. 8].*

Этап второй: ссылка в тайгу

Григорьевы, Лотовы и Михайловы были не единственными чувашскими семьями, кого выслали в Рамазановку. При этом часть их односельчан, включая родственников, осталась в Листвягах. Ссылный контингент основательно пополнил количество чувашей на правом берегу Среднего Прииртышья. Если в 1926–1927 гг. И.Н. Шухов практически в той же местности Усть-Ишимского района зафиксировал всего 18 чувашских хозяйств [1928, с. 47], то в 1935 г. в одной только Рамазановке их было 14 [ФБУ ИСА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 16а, л. 5об.–6]. Соседями чувашей стали пять русских семей и одна белорусская. В воспоминаниях местных старожилов чувашские новоселы нередко представляли в образе очень скрытного и хитрого народа. В 1930-х гг. они якобы прятали днем своих лошадей в тайном месте за деревней, а когда выезжали по ночам, то на ноги животным надевали лапти, чтобы не оставалось следов от копыт. Кроме того, в присутствии чужих они часто сговаривались на своем языке, изображая, что ведут простые бытовые беседы и пр. [ПМА]. Доля истины в этих стереотипных представлениях была: высокая степень внутригрупповой солидарности чувашских поселенцев служила им эффективным средством адаптации на новом месте. В то же время, настороженно контактируя с той с частью соседей, в ком они видели угрозу своей безопасности, чуваша устанавливали дружеские и взаимовыгодные связи с другими местными жителями, от которых перенимали навыки ведения хозяйства на новом месте. Михайловы и Григорьевы, в частности, подружились с демьянскими промысловиками, выезжавшими каждую зиму для реализации рыбы и пушнины к Иртышу через Рамазановку.

Приспосабливаться чувашам приходилось к непривычным, довольно суровым условиям. Урманские территории Омского Прииртышья относились к зоне рискованного земледелия, что обуславливалось долгим высыханием почвы весной, коротким летом, ранними заморозками, неразработанными тяжелыми почвами и значительной облесенностью местности. Скотовод здесь сталкивался с проблемами недостатка пастбищ и покосов, затаенного стойлового содержания и обилия гнуса [Юферев, 1908, с. 274–288]. К этому нужно добавить подорванное благосостояние семей на момент их прибытия, высокое налогообложение и непрекращавшийся социальный прессинг, который выражался в разнообразной форме — от дразнилок «кулацких детей» в школе до очередной экспроприации имущества и арестов.

Тем не менее благодаря упорному труду и житейской хватке к 1935 г. Григорьевы, Лотовы и Михайловы были снова в числе крепких хозяев. У них всех, в отличие от большинства односельчан, имелись как минимум одна лошадь и корова. Архивные данные свидетельствуют, что указанные семьи держали также поросят и овец, имели посевные поля по 2–3 гектара, где выращивали рожь, ячмень, пшеницу, овес, гречиху, лен, горох, картофель и другие овощи [ФБУ ИСА в г. Таре, ф. 192, оп. 1, д. 16а, л. 5об.–18]. Красноречивы и показатели облагаемого дохода домохозяйств Рамазановки, представленные в порядке возрастания в рублях: 11, 15, 27, 35, 39, 41, 77, 107, 123, 208, 325 (Михайловы), 346, 444, 445, 470, 579 (Лотовы), 581, 594 (Григорьевы), 613, 656 [Там же, л. 1–20]. Семьи осваивали и местные добывающие промыслы, но пока в весьма ограниченном виде. Из воспоминаний об охотничьих навыках того времени у А.Е. Григорьева: «*Папа не слишком-то увлекался. Но любил на этих рябчиков, пружки ставить там еще» [ПМА].*

Через несколько лет все три семьи решились на отчаянный шаг — уйти еще дальше на север в глухие урманские места бассейна р. Демьянки. Там благодаря отсутствию прямого государственного контроля весьма вольно себя чувствовали несколько десятков семей из числа

бывших жителей Среднего Прииртышья — те самые промысловики, с которыми свели дружбу Григорьевы и Лотовы. Решение было близким к безрассудному, учитывая отмеченный уровень промысловых навыков чувашей: *«Мы поехали по собственному желанию. Охотничьи места там хорошие, да охотники-то из нас были некудышные... Мужики с Демьянки выезжали, у нас останавливались. Ну, и разговоры: папе советовали туда, в тайгу ехать. Охотник и рыбак много наговорит...»* [ПМА].

Подтолкнула к переезду безысходность. Глава семьи Лотовых около 1935 г. по обвинению в спекуляции хлебом был посажен в Тарскую тюрьму и через несколько месяцев умер: *«Они [Лотовы] хлеб покупали всё, а пожаловались, что он хлеб продает. А он ничего не продавал. В тюрьме погиб — тоже ни за что»* [ПМА]. Последней каплей для семьи Михайловых стала третья экспроприация у них нажитого имущества: *«Они что поехали: корову заведешь — отбирали, еще что-то только купишь — отберут. Ну сколько можно?»* [ПМА]. Нависшую угрозу, вероятно, чувствовал и А.Е. Григорьев — под очередную волну репрессий массово попадали бывшие противники советской власти.

Третий этап: уход за болота

Имеет смысл отдельно представить сам процесс переселения и трудности первоначально обустройства. Первыми весной 1936 г. решились уйти в глухую тайгу старшие Михайловы, взяв с собой младшую дочь и 12-летнего племянника, Лотова Петра. В путь на Демьянку отправились в марте по тяжелому 200-километровому зимнику, ведшему через водораздельные болота. Скот гнали по насту, в сани запрягали и быка, так как лошадь была одна. На полпути болота начали оттаивать и пришлось до мая остановиться на перевалочном пункте зимника — в избушке, расположенной в верховьях демьянского притока, р. Имгыт. С началом половодья со всем скарбом сплавились вниз по течению, но до самой Демьянки не дошли, так как встретили понравившееся место: *«Плот большой сделали. Мы не знали, сколько ехать. У нас все шмутки были складены, инструменты — всё было. Ну, и потом увидели это место светло. Отец вышел — там гарь, тут, мы и вышли»* [ПМА].

На гари была уже удобренная золой и частично расчищенная местность, что облегчало дальнейшие работы. За весну-лето построили сначала шалаш (*балаган*), потом небольшую избушку (без потолка, но с русской печью, задняя часть которой помещалась в сенях), перевезли с зимовья остававшийся там скот. Когда следом прибыли сыновья Михайловых, а также мать и тетка Павла Лотова, то стали обустриваться уже более основательно — возводить большой дом, подворье, расчищать площади под будущее поле и огород, заготавливать сено. По воспоминаниям, первый год дался особенно трудно. Целину приходилось корчевать, пережигать весь сухостой и перекапывать почву лопатами — маленький плуг ее не брал. Засадили возделанный участок картофелем, при этом радовались, что часть урожая сдавать в счет налога уже не надо. Еды, тем не менее, не хватало, и пришлось на какое-то время пробавляться экстремальными видами пищи: *«Всё ели. Мох сушили, толкли его и делали муку. Не помню, как он называется. Еще осока, которая около речки, вот эту тоже ели. Крапиву ели»* [ПМА].

В марте 1939 г. на Демьянку последовали Григорьевы. Тактика здесь была несколько иная: они договорились, что будут проживать в одном поселке с местными жителями — на оз. Белом, недалеко от основного русла Демьянки. Сначала завезли на новое место несколько возов продуктов, в основном муку, а потом уже А.Е. Григорьев отправился в путь с оставшимся скарбом и членами семьи, включая жену и пятерых детей. Переход занял около пяти дней. Из воспоминаний младшего сына: *«27 марта мы пришли. На лошадях и с коровами поехали, две коровы вели. Дорога хорошая была, я почти всю дорогу бежал. Сперва мы в коротаевской избе жили. А потом свою избушку сделали и жить помаленьку стали. Укоренились»* [ПМА]. На первых порах Григорьевым большую поддержку оказывали ближайшие соседи, среди которых были русские, ханты, эвенки и несколько поляков, — помогали обустроиться, выручали продуктами питания, делились хозяйственным опытом. Через несколько лет семья переехала еще чуть дальше — в поселение Нефедово, расположенное на высоком протяженном мысу р. Демьянки, где были значительно лучшие условия для занятия земледелием: *«Приехали — там кедр, озера близко, речки близко, угодья есть. Вот это место излюбили люди до нас, и нравится это место самим. Сколько живем, столько и нравится»* [ПМА] (рис. 1).

Рис. 1. А.Е. Григорьев с супругой, п. Нефедово, 1970-е гг.
Fig. 1. A.E. Grigoriev with his wife, Nefyodovo, 1970s.

Относительно последующей адаптации чувашских семей к условиям глухой тайги можно выделить ряд ключевых особенностей: 1) первоначально переселенцами было налажено крепкое крестьянское хозяйство, причем в максимально полном варианте, какой был возможен, невзирая на местные трудности и масштабность требовавшихся усилий; 2) параллельно по нарастающей шло заимствование промыслового опыта, сначала от русских и польских соседей, а вскоре напрямую от наиболее искусных в этом деле народов — хантов и эвенков; 3) при заимствовании чужого опыта проявлялось настойчивое стремление постичь его в тонкости (подчас существенно глубже, чем это делали другие дьячанские переселенцы), а после критически переосмыслить и скорректировать исходя из собственных интересов; 4) долгое время хозяйство чувашей отличала высокая степень натуральности из-за стремления минимизировать связи с внешним миром. Далее рассмотрим эти черты подробнее.

Налаживание крестьянского хозяйства

В отличие от своих русских и польских соседей, опиравшихся в первую очередь на охотничье-рыболовецкое хозяйство, а скотоводство и земледелие поддерживавших как подсобные направления деятельности, чуваша с необыкновенным упорством развивали производящие отрасли. Как вспоминали Григорьевы о жизни в Нефедово: *«До нас так [много] там не сеяли»* [ПМА]. Тяжелым испытанием на протяжении целых десятилетий оставалась корчевка леса и вспашка целины под расширение сельскохозяйственных угодий. Причем если Григорьевы имели в Нефедово возможность отчасти пользоваться плодами трудов своих предшественников, то Михайловы и Лотовы разрабатывали угодья в девственной тайге: *«Тут же лес-то вон какой большой был, кедрач. Вырубили, а потом корни вырубали, а потом по одному полю пахали, потому что сразу не могли вспахать. На коня навалим — он еле-еле вез. По сторонам-то еще до 70-х годов корчевали»*. Навыками разработки таежной целины и нелегкой практики северного земледелия чуваша явно овладели еще в годы жизни в Рамазановке. В конечном итоге на новом месте они выращивали хорошо знакомые им культуры — рожь, ячмень, овес, горох, картофель, капусту, морковь, репу, огурцы, лен и коноплю.

Точно так же именно чуваша стали разводить на Демьянке небывало большое и разнообразное количество домашних животных. В каждом их подворье вскоре были 1–2 лошади, бык с несколькими коровами и их приплод, около десятка овец, курицы, собаки и кошки. Лотовы разводили также кроликов и имели собственную пасеку. Периодически случались и эксперименты с приручением диких животных: лосят, медвежат, диких уток. Для кормления многочисленного скота разрабатывали земли под покосы и заготавливали большие объемы сена. Значительное количество навоза, в свою очередь, позволяло поддерживать плодородность обширных земельных участков.

Важным качественным критерием для себя чуваша считали питание правильной крестьянской пищей: «*Масла хватало, коров держали, все можно было сделать. У нас мама любила шаньги стряпать. И это, со сметаной ли, сливкой ли калачей состряпает. Сейчас бы я их поел, если бы стряпали. Из крахмала калачи. Они маленько грубоваты, засыхают, а расквашиваются хорошо. Потому что там жир, и это... И всегда на охоту идешь, калача 2–3 положишь в карман. Пошел, и хватит. Солили капусту всегда, огурцы еще не так. Грибы тоже всегда — грузди были, в одно время помногу было. Выпивали. Самогонку — обязательно. Собирали смородину, бруснику, клюкву и все такое. С черники варенье делали*». Для сравнения, совершенно иные нотки, легкого осуждения, звучат в воспоминаниях подобного рода о соседнем семействе русских: «*Только лесном [лесной пищей] питались больше. А так — леноваты были. Но корову-то держали*» [ПМА].

Неотъемлемой частью налаженного быта чувашей были и просторные избы. Как упоминалось, в Герасимовке Михайловы сумели поместить русскую печь даже в свою первую временную избушку. Наличие больших русских печей впоследствии позволяло чувашам прогревать зимой свои крупные по местным меркам жилища. Большинство же соседей из числа переселенцев предпочитало более компактные постройки, отапливаемые небольшими печами или чувалами по типу хантыйских.

Заимствование опыта промысловиков

Одновременно чувашским переселенцам пришлось на совершенно новом качественном уровне осваивать охоту и рыбный промысел. Первыми их учителями стали местные промысловики русские и поляки — они обучили заповедному и сетевому рыболовству, добыче пушного зверя с собакой и с помощью ловушек, с сезонным проживанием на угодьях и подготовкой охотничьих троп-путиков. Однако вскоре у чувашей завязались дружеские отношения с потомственными таежниками из числа юганских хантов и звенков. От них были заимствованы еще более искусные промысловые приемы и приспособления, переняты навыки изготовления лыж, нарт и лодок-долбленок, шитья промысловой одежды. Были даже робкие попытки освоить оленеводство.

Рис. 2. Дочь П.Ф. Лотова с добытым волком, п. Герасимовка, 1970-е гг.
Fig. 2. A daughter of P.F. Lotov with a killed wolf, Gerasimovka, 1970s.

Опыт описания экстремальной адаптации: чуваша-переселенцы XX века в урманной тайге

Так, главными наставниками Григорьевых стали юганские ханты: *«А охотиться — я от хантов всё. Так же точно, как у хантов, делал»* [ПМА]. В воспоминаниях младшего сына А.Е. Григорьева хорошо отразился двухэтапный процесс заимствования объектов материальной культуры соседей: ставили на соболя русскую ловушку-кулемку — перешли на хантыйский черкан; носили фуфайки и сибирские кожаные бродни — стали надевать промысловые халаты и замшевую обувь-нырики юганцев и т.д. Дочь Д.М. Михайлова вышла замуж за эвенка, поэтому она сама, ее братья, а в особенности старшие сыновья достигли высочайшего мастерства в охотничьем промысле. Сыновья уже в возрасте 16–17 лет привозили домой полные лодки уток, регулярно добывали лосей, обладая не только всеми необходимыми навыками и знаниями, но и высоким уровнем физической подготовки для обнаружения, преследования и добычи любого зверя.

Показательно, что во втором поколении чувашских переселенцев, которое уже выросло в тайге, промыслом занимались как мужчины, так и женщины, причем начиная с подросткового возраста. В семье П.Ф. Лотова, где из 11 детей 10 были девочки, все они стали штатными охотниками-промысловиками. Девушки 15–20 лет умело добывали пушного зверя, боровую и водоплавающую птицу, лося, некоторым из них доводилось ходить и на медведя (рис. 2). Не случайно, когда в 1970-е гг. у одной из дочерей П.Ф. Лотова произошел со знакомым эвенком небольшой спор относительно охотничьих угодий, он был достойно решен в рамках традиционного права: *«Слушай, дядя Алексей. Что ты вырос в тайге, что я — одинаково. Вот только что нации разные. А остальное не разделяется — что ты охотишься, что я охочусь так же. Охотиться когда-как, я знаю»* [ПМА].

Критическое переосмысление опыта таежников

Как отмечалось, чуваша перенимали знания и навыки коренных народов Севера всегда с оглядкой, творчески переосмысливая их, чтобы в приоритете всегда оставались более экономически надежные производящие отрасли хозяйства и привычный крестьянский быт. Поэтому, в частности, ими не было заимствовано оленеводство — оно подразумевало довольно мобильный образ жизни и тяготение к болотным ландшафтам. Для одновременного занятия крестьянскими делами и сезонным охотничье-рыболовецким промыслом на удаленных территориях чуваша, во-первых, практиковали внутрисемейное разделение труда, а во-вторых, использовали конный транспорт при поездках на угодья и перевозке груза туда и обратно. Организация последнего требовала дополнительных усилий: нужно было проложить конные дороги и ежегодно поддерживать их в рабочем состоянии, кроме того, ранние декабрьские выезды на санях были рискованными, так как болота еще не везде промерзали.

Другим ярким примером своеобразия в адаптации чувашей может служить практика создания крупных запасов добычи и длительное хранение ее в ледниках: *«А мы так делали: снег в ямке насыпем, потом водой зальем (на лошади воду возили), потом опять снегом и снова водой — вот так засыпали. А ямка потом зимой застынет, как лед, и до самой осени терпела. И кадки прямо там замораживали — уток солить. Они до самой осени там эти кадки жили. Уток много добывали, солили, и лосей добывали хорошо — раньше ведь лосей-то много было. Ханты такие ямки и сейчас не делают. Они же ведь голодные жили! Лося добыли — сытые, а не добыли — всё. Вот только что сушат мясо»* [ПМА].

Подавляющее большинство прочих переселенцев нечувашского происхождения, проживавших в тех же местах среднего и верхнего течения Демьянки, по образу жизни были заметно ближе к юганским хантам. Кроме существенно меньшей доли скотоводческо-земледельческих отраслей хозяйства, здесь можно отметить также сравнительно небольшие создававшиеся запасы пищи. Это подразумевало, с одной стороны, меньшую интенсивность трудовой деятельности, особенно в летний сезон, а с другой — допускало периодическую нехватку продуктов питания. Не случайно при сопоставлении знаний об экстремальных видах пищи выяснилось, что чуваша освоили далеко не весь арсенал местных сибирских старожилов. Речь идет, в частности, о возможном использовании в пищу соцветий кедра, толченых рыбьих костей, измельченных лосиных шкур и некоторых дикоросов.

Важным элементом устойчивости сформировавшейся системы жизнеобеспечения чувашей стало налаживание торгово-обменных отношений с народами Севера. Понимая, что в определенных видах деятельности ханты и эвенки остаются непревзойденными мастерами, чувашские переселенцы предпочитали, особенно на первых порах, не изготавливать, а выменивать нужные им вещи на продукцию крестьянского хозяйства. Таким способом они приобретали лод-

ки-долбленки, охотничьи лыжи, меховую одежду и обувь, предлагая в ответ хлеб, домотканую материю, овечью шерсть и конский волос.

Социальные связи

В данном случае интерес представляет характер внутренних и внешних контактов, а также механизмы их реализации. В силу самой истории появления чувашских семей на Демьянке понятно, что первое время они избегали сообщения с территориями и населением, находящимися под жестким контролем советской власти. Этим был обусловлен существенный уровень натуральности хозяйства жителей Герасимовки и Нефедово. Вплоть до середины 1940-х гг. они сеяли собственный хлеб, выращивали коноплю и лен для кустарного производства тканей. Автономный режим облегчался тем, что, как и большинство крестьян средней полосы России, чуваша-переселенцы владели многими ремесленными навыками: умели изготавливать рабочие инструменты, шить одежду и обувь, делать кирпичи, класть печи, знали столярное и плотницкое дело. Контакты с Омским Прииртышьем поначалу у них ограничивались несколькими выездами в год для реализации промысловой продукции и закупки необходимых товаров. Заметно большим было общение с жителями двух чувашских селений близ русла Иртыша — Екатериновки и Красноярки.

В военные 1940-е гг. Демьянку неоднократно посещали милицейские отряды, они реквизировали лошадей и вывезли подлежащее военной и трудовой мобилизации население. Часть местных жителей, в том числе чувашей, пыталась скрываться от этих рейдов. С середины 1950-х гг., когда социальная напряженность в стране существенно снизилась, чувашские семьи уже контактировали с территорией Омской области значительно чаще и свободнее. В 1960-е гг. госпромхозные организации Усть-Ишимского и Тевризского районов наладили с некоторыми селениями Демьянки авиасообщение. Жители Герасимовки и Нефедово уже были сами заинтересованы в доступе к новому удобному виду транспорта, поэтому своими силами подготовили у себя авиапосадочные площадки. С 1970-х гг. бассейн Демьянки во многом утратил свой высокий уровень изолированности. Началось нефтедобывающее освоение — проводились изыскания, прокладка просек, обустройство временных поселков, интенсифицировалось авиационное и водное транспортное сообщение.

Рис. 3. Чувашско-эвенкийская семья дочери Д.М. Михайлова, п. Нефедово, 1960-е гг.
Fig. 3. The Chuvash-Evenki family of the daughter of D.M. Mikhailov, Nefyodovo, 1960s.

Григорьевы, тем не менее, на общем фоне продолжали оставаться довольно закрытым коллективом. Более свободно они общались только с другими чувашскими семьями и хантами, а у значительной части соседей за ними закрепилась репутация замкнутых и недоверчивых лю-

дей. Наглядным проявлением внешнего барьера стало то, что никто из детей Андрея Егорьевича не вступил в брак (хотя один внук, продолжатель рода, у него все-таки родился). Как оказалось, опасения главы семьи были не напрасны. По рассказам, в 1980-е гг. в отделение Уватской милиции поступила касающаяся А.Е. Григорьева информация: «*Мол, как это белогвардейский офицер живет припеваючи в нашем районе? Это на деда*» [ПМА]. Однако в силу его преклонного возраста никаких последствий дело не имело.

Что касается внутренних контактов, то одним из популярных поводов для встреч с соседями у чувашей были христианские праздники: «*Отмечали Троицу, Масленку, Николу — один раз у нас в Нефедово. В основном религиозные праздники, другие — нет. Как у нас заведёно, такими выросли. Ходили в гости в Герасимовку, Масленку справляли. От нас 40 километров, пешком ходили через болото. Одно время тут народ дружно жил. Приходили все. Идут, у всех оружие, из-за поворота: бух-бух! Встречали салютом и провожали. Пели, плясали. Обязательно, без этого кто вытерпит? Игры были. Если весной на Троицу приедут, у нас площадь-то порядочная, пашни — в лапту играли и, там, в кружки, в фантики*» [ПМА].

Общение чувашей с юганскими хантами носило более спорадический характер, чаще всего это были взаимные посещения по пути дальних поездок или в связи с какими-то совместными делами. Из воспоминаний членов семьи Григорьевых: «*Ханты тогда не понимали праздник, можно сказать. Если съездят в Юган [на р. Бол. Юган], там купят водки, тогда у них праздник. В гости-то приезжали. Дядя Миша один раз приехал со вторым сынишкой. С дядей Мишей дружили. Он тут приехал, лодку помогал папе делать, долбленку. С Усановыми дружили, но тоже так же ездили. Время придет — летом в гости друг другу ездили к Усановым, к Василию Наумовичу. Лянтинны часто бывали*» [ПМА].

Интересно отметить характер брачных связей чувашских переселенцев. Около четверти их браков было заключено с другими чувашами: несколько невест привезли из Омского Прииртышья, кроме того, к третьему поколению Лотовы, Григорьевы и Михайловы породнились и между собой. Основную массу брачных партнеров составляли русские — с Демьянки и из Усть-Ишимского района; в последнем случае если дело касалось чувашской девушки, то она чаще всего переезжала в иртышскую деревню. Появлялись и необычные супружеские пары: у Д.М. Михайлова один из сыновей был несколько лет женат на демьянской хантыйке, а дочь стала женой местного эвенка (рис. 3). Отношения супругов в таких парах существенно осложнялись большими культурными различиями. Это касалось вопросов быта, хозяйственной деятельности, религиозных представлений и пр.

Свидетельства успешной адаптации чувашей

Примерно за пять лет жизни на новом месте чувашскими переселенцами был достигнут надежный уровень благосостояния, который постепенно развивался, а к 1950-м гг. приобрел уже высокую устойчивость. И если в первые, трудные годы чувашей периодически выручали, делясь своей добычей, местные ханты и эвенки, то впоследствии на помощь коренным таежникам, голодавшим в периоды неудачного промысла, приходили уже сами жители Нефедово и Герасимовки.

За десятилетия упорного труда чувашами были созданы добротные и крепкие домохозяйства, где уютный крестьянский быт органично сочетался с промысловыми занятиями: «*В Герасимовке пять домов было, вечером все бабы собираемся — пряли, вязали. Мужики с охоты придут — кто белку обдирает, кто патроны заряжает*» [ПМА]. Почти идиллический образ крестьянской деревни, возникшей в глухой урманной тайге, на многих производил сильное эмоциональное впечатление. По рассказам, в 1980-е гг. один русский охотник, пострадавший после вынужденного года жизни в хантыйском селении, выехал оттуда вниз по Демьянке. Добравшись до Нефедово, он был особенно растроган местной обстановкой, хотя перед этим на его пути были и другие поселки выходцев с Иртыша: «*К Григорьевым приходит и со слезами на глазах давай целовать. Обнимает чувашей и говорит: “Ой, родненькие вы мои!”*» [ПМА].

В 1970–1980-е гг. чувашские селения на Демьянке вообще стали своеобразной точкой притяжения для людей, стремившихся увидеть экзотические места. Административные работники из Тобольска, Усть-Ишима и Увата неоднократно привозили туда на самолетах почетных гостей, периодически там бывали представители прессы и телевидения. Особенно памятным для местных жителей стал визит московского писателя-прозаика Анатолия Дмитриевича Голубева. Он дважды побывал на Демьянке, облюбовав чувашские селения для летнего отдыха, который совмещался у него с творческой работой. Писатель жил в палатке, много общался с таежными

жителями, ездил по угожьям, фотографировал, а по ночам вел записи. Из воспоминаний Григорьевых: «Первый раз он с женой приезжал, второй раз с ним из райкома партии приехали. Мы с им фотографировали ходили — соболиные амбарчики там всё, там капканы я смотрю... Он писал, у него машинка была. А у нас же иконы, религиозные, и всё... По этому побуждению он, мне кажется, что-то, может, не то написал» [ПМА]. Сочинения, связанные с этой поездкой, А.Д. Голубев предполагал опубликовать в московских журналах, пока их, к сожалению, обнаружить не удалось.

Наконец, еще одним показателем успешной адаптации является то, что в Герасимовке, Нефедово и других селениях демьянского бассейна до сих пор проживают потомки Григорьевых, Лотовых и Михайловых. Многих из них можно сегодня встретить также в иных местах Уватского района Тюменской области, на территории Усть-Ишимского района Омской области, в Иркутской области, Ханты-Мансийском автономном округе, в Омске и Тюмени. Причем значительная часть тех, кто остался на Демьянке, сохраняет важные черты чувашской идентичности — свой язык, некоторые традиции (прежде всего в хозяйственных занятиях, национальной кухне) и православную веру.

Заключение

Представленные материалы подтверждают, что изначально мало приспособленная к жизни в глухой тайге и неопытная в промысловой деятельности группа чувашей-переселенцев сумела в короткие сроки справиться с экстремальной адаптацией на новом месте. Уход группы на Демьянку был безусловно вынужденным решением и во многом выглядел как жест отчаяния. С другой стороны, подготовиться к этому помогла трехэтапность миграции: сначала из европейской части России в земледельческие районы левобережья среднего Иртыша, затем в лесную зону иртышского правобережья и лишь после этого в бассейн Демьянки. Кроме того, переселенцы отчасти полагались на первичную поддержку местных жителей. Важным итогом адаптации на новом месте явилось создание чувашами собственного, отличающегося от бывшего там ранее, варианта системы жизнеобеспечения, который оказался весьма устойчив и надежен в сложнейших условиях среды существования. Базовой основой этой устойчивости стало нахождение своеобразной золотой середины между производящими и добывающими отраслями хозяйства. Отдавая безусловный приоритет традиционным крестьянским направлениям деятельности, чуваша эмпирическим путем нашли способы безболезненного дополнения их охотничьим и рыболовным промыслами. Для этого им пришлось освоить и творчески переосмыслить промысловый опыт местных старожилов: сначала — более ранних переселенцев, а затем — народов Севера. Сложившаяся в итоге форма хозяйствования требовала высокого уровня интенсивности трудовой деятельности, что усугублялось в первые десятилетия еще и стремлением к минимизации внешних контактов за пределами демьянской территории. Залогом успеха здесь стали трудолюбие, высокая групповая солидарность и предприимчивость чувашей-переселенцев.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Крестьянская Голгофа: Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Т. 3. / Гл. ред. М.А. Сбитнева; ред.-сост.: Е.В. Гацура, А.И. Полякова, Т.Г. Четверикова. Омск: Омскбланкиздат, 2014. 340 с.

Полевые материалы автора (ПМА).

Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск. Сибирский краевой исполнительный комитет, 1928. 832 с.

Список переселенческих участков Тобольской губернии: (Приложение к 20-верстной карте Тобольской губернии, издания 1913 года). Тобольск: Тип. епархиального братства, 1913. 36 с.

Филиал бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» в г. Таре (Филиал БУ ИСА в г. Таре). Ф. 192. Оп. 1. Д. 14, 16а.

Литература

Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX — первая четверть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 41 с.

Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 200 с.

Опыт описания экстремальной адаптации: чуваша-переселенцы XX века в урманной тайге

- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Лоткин И.В.* Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2012. 40 с.
- Майничева А.Ю.* Русские Сибири: Зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005. 48 с.
- Маркарян Э.С.* К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей подсистемы // Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. С. 17–40.
- Повод Н.А.* Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья: XIX — первая четверть XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
- Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сев. науч. книга, 2005. 192 с.
- Шухов И.Н.* Охотничий промысел в северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. II. С. 33–98.
- Щеглова Т.К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: Культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: Научные и методические материалы. Барнаул: АЗ-БУКА, 2015. 132 с.
- Юферев В.* Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 272–300.
- Ямсков А.Н.* Культура и культурная адаптация в этноэкологических исследованиях: К вопросу о содержании некоторых понятий и терминах // Эволюция. 2005. № 2. С. 50–53.
- Head L.* Cultural ecology: Adaptation — retrofitting a concept? // Progress in Human Geography. 2009. No 34 (2). P. 234–242.
- Leduc T.B.* Inuit economic adaptations for a changing global climate // Ecological Economics. 2006. Vol. 60 (1). P. 27–35.
- Ståhlberg S., Svanberg I.* Lopylk fishermen: Ecological adaptation in the Taklamakan desert // Anthropos. 2010. Vol. 105. No 2. P. 423–439.

V.N. Adaev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

DESCRIPTION OF EXTREME ADAPTATION: CHUVASH SETTLERS OF THE 20th CENTURY IN DEEP SIBERIAN FORESTS

The article is aimed at analysing ethnocultural adaptation that is close to the possible limit. It is proposed to single out extreme adaptation as a separate field of studies in cultural ecology. The term is to be understood as a forced rapid adaptation of an ethnic group to drastically changing environmental factors, occurring under the conditions of high stress for the community. The research is conducted as an ethnographic case study and its data were obtained via semi-structured interviews and archival document review. The study focuses on the history of three Chuvash peasant families who fled the political repression of the 1930s to the adjacent back country — the upper Demyanka River area (Uvatsky district of the Tyumen region, Russia). It was a remote and isolated taiga region covered with dense forests and vast swamps, a land of hunters and reindeer herders where farming was considered to be hard and unprofitable. The Chuvash families were typical farmers who had come to Western Siberia from the European part of Russia in 1900–1920s due to land shortages. The Chuvash, initially poorly adapted to the life in the taiga and inexperienced in forest foraging, managed to cope with the extreme adaptation to a new area over a short time. An important result of the adaptation consisted in the families creating a new local type of the subsistence system with priority being given to agriculture and livestock farming, while hunting and fishing were a complementary part of the economy. Their way of life proved to be very stable and reliable under the most difficult conditions. First of all, the Chuvash laboriously built a strong peasant base of their economy, in the fullest measure possible, despite all of the local difficulties and efforts required. In addition, the Chuvash increasingly adopted the foraging experience: initially from the neighbouring Russian and Polish taiga settlers, and soon directly from the most skilled peoples in this matter — the Khanty and Evenki. Moreover, while acquiring the skills, the Chuvash were persistent in mastering the subtleties of each trade (sometimes much better than other local settlers), as well as in rethinking and transforming them according to their own experiences and economic preferences.

Key words: Siberian ethnography, cultural ecology, Irtysh region, political repression, forced migration, refugees, peoples of the North.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-137-148

Fundiing. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400150-2.

REFERENCES

- Korovushkin D.G. (2004). *Ethnocultural adaptation of late immigrants in Western Siberia (end of 19th — first quarter of 20th century): Abstract of thesis of doctor of historical sciences*. Novosibirsk. (Rus.).
- Korovushkin D.G. (2006). *Essays of ethnocultural adaptation of late immigrants in Western Siberia*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethno-ecology. Models of traditional subsistence of marine hunters and reindeer herders of northern Eurasia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lotkin I.V. (2012). *Socio-political, economic and cultural adaptation of the Baltic settlers in Siberia (1920–1940s): Abstract of thesis of doctor of historical sciences*. Tyumen. (Rus.).
- Mainicheva A.Iu. (2005). *Siberian Russians: Architecture in the aspect of ethnocultural adaptation. 17th–20th century: Abstract of thesis of doctor of historical sciences*. Novosibirsk. (Rus.).
- Markarian E.S. (1983). To the general characteristics of culture and its segment of subsistence. In: S.A. Arutiunov, E.S. Markarian (Eds.). *Culture of subsistence and ethnos: An experience of ethnocultural research (based on Armenian rural culture)* (pp. 17–40). Erevan: AN ArmSSR. (Rus.).
- Povod N.A. (2004). *Socio-cultural adaptation of the Komi of Northern Trans-Urals: 19th — first quarter of 20th century: Abstract of thesis of candidate of historical sciences*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Shelegina O.N. (2005). *Adaptation processes in the sustenance culture of the Russian population of Siberia in 18th — early 20th centuries: (On the problem statement)*. Novosibirsk: Severnaia nauchnaia kniga. (Rus.).
- Shukhov I.N. (1928). Okhotnichii promysel v severnoi chasti Tarskogo okruga. In: *Materials to the knowledge of hunting in Western Siberia* (pp. 33–98). Omsk. (Rus.).
- Shcheglova T.K. (2015). *Ethnography of Russian peasantry of the south of Western Siberia in 20th century: Life sustaining culture during the Great Patriotic War: Scientific and methodological materials*. Barnaul: AZBUKA. (Rus.).
- Iuferev V. (1907). Immigrants in Tara deep forests. *Voprosy kolonizatsii*, (2), 272–300. (Rus.).
- Iamskov A.N. (2005). Culture and cultural adaptation in ethnic (cultural) ecology research: To the question of the content of some concepts and terms. *Evoliutsiia*, (2), 50–53. (Rus.).
- Head L. (2009). Cultural ecology: Adaptation — retrofitting a concept? *Progress in Human Geography*, 34(2), 234–242. DOI: 10.1177/0309132509338978.
- Leduc T.B. (2006). Inuit economic adaptations for a changing global climate Ecological. *Economics*, 60(1), 27–35. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2006.02.004.
- Ståhlberg S., Svanberg I. (2010). Lopyk fishermen: Ecological adaptation in the Taklamakan desert. *Anthropos*, 105(2), 423–439.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019